
АНАСТАСИЯ АБРАМОВА
КОРОНОВАННЫЙ
Я БЕЗ ТЕБЯ НЕ УМЕЮ
18+

Анастасия Абрамова

Коронованный. Я без тебя не умею

«Автор»
2026

Абрамова А.

Коронованный. Я без тебя не умею / А. Абрамова — «Автор», 2026

— Тай, отпусти его! Это я его обняла! — я вцепляюсь в руку мужчины, к которому сегодня собиралась переехать. На полу кровь моего коллеги. На стойке стоит торт, который девочки купили к моему уходу. Я выбрала Таймаза. Отказалась от работы, собрала вещи. Ему хватило одного объятия, чтобы перечеркнуть этот вечер.Он приходил в наш салон подравнивать бороду. Я записывала его к мастеру и еще не знала, почему хозяйка боится заставить его ждать. Таймаз Асланов, вор в законе. Теперь он ждет меня после каждой смены, требует отвечать на звонки и ревнует так, что люди боятся задержать на мне взгляд. А я бегу к нему сама. Ссорюсь, плачу, обещаю больше не приходить и ищу его машину среди других.— Я с тобой поеду. Только оставь его в покое, — прошу я, хватая Таймаза за запястье. Он смотрит на мои пальцы, испачканные чужой кровью, и накрывает их ладонью. Утром я целовала эту руку. Теперь удерживаю, чтобы он не ударил кого-нибудь снова.

© Абрамова А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора	6
Аннотация	7
Пролог	8
Глава 1	11
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Коронованный. Я без тебя не умею

Коронованный. Я без тебя не умею
Остросюжетный любовный роман
Анастасия Абрамова
18+

От автора

Все события и персонажи вымышлены. Автор не оправдывает жестокость, насилие и принуждение, не поддерживает национальную рознь. Поступки героев не являются примером для подражания.

Аннотация

— Тай, отпусти его! Это я его обняла! — я вцепляюсь в руку мужчины, к которому сегодня собиралась переехать. На полу кровь моего коллеги. На стойке стоит торт, который девочки купили к моему уходу. Я выбрала Таймаза. Отказалась от работы, собрала вещи. Ему хватило одного объятия, чтобы перечеркнуть этот вечер.

Он приходил в наш салон подравнивать бороду. Я записывала его к мастеру и еще не знала, почему хозяйка боится заставить его ждать. Таймаз Асланов, вор в законе. Теперь он ждет меня после каждой смены, требует отвечать на звонки и ревнует так, что люди боятся задержать на мне взгляд. А я бегу к нему сама. Ссорюсь, плачу, обещаю больше не приходить и ищу его машину среди других.

— Я с тобой поеду. Только оставь его в покое, — прошу я, хватая Таймаза за запястье. Он смотрит на мои пальцы, испачканные чужой кровью, и накрывает их ладонью. Утром я целовала эту руку. Теперь удерживаю, чтобы он не ударил кого-нибудь снова.

Пролог

— Тай, отпусти его! Это я его обняла! — Я тяну Таймаза за руку, пытаясь разжать пальцы, стиснувшие рубашку Антона. Только что мы прощались. Антон пожелал мне счастья, я потянулась обнять его, и меня оттолкнули в сторону. Теперь он прижат к стойке, из разбитого носа течет кровь, а мужчина, к которому я собиралась сегодня переехать, замахивается снова. Я успеваю встать между ними. Локоть ударяется о край стойки, я морщусь от боли. — Ты слышишь меня?!

Таймаз останавливает руку. Я вижу его кулак у своего лица и хватаюсь за него обеими ладонями. Костяшки испачканы кровью. Утром я застегивала на этом запястье часы, потому что он держал меня на коленях и мешал собираться на работу. Целовал шею, злился, что я тороплюсь. Мне пришлось пообещать, что после смены поеду к нему и останусь. Я сама этого хотела. Даже сейчас, пока пытаюсь заслонить Антона, зачем-то вспоминаю, что в ванной у Таймаза уже стоит мой крем, в спальне лежит халат, а в гардеробной висят вещи, которые он купил для меня.

— Отойди, Ева, — говорит он, глядя поверх моего плеча. Антон дергается, и Таймаз толкает его обратно к стойке. За спиной звякает блюдце. Я оборачиваюсь на этот звук и вижу на белой чашке с кофе несколько красных капель. Таймаз высвобождает руку из моих ладоней и пытается отодвинуть меня от Антона. — Я с тобой говорить сейчас не буду.

— А я буду! Ты к нему подошел из-за меня! — Я цепляюсь за ткань на груди Таймаза и тяну на себя. Сил не хватает, рубашка выскальзывает из пальцев. Мне хочется закричать кому-нибудь, чтобы помогли, но девочки стоят у кресел, прижав ладони ко рту. Хозяйка замерла с ножом над тортом. — Отпусти его! Он мне ничего не сделал!

— Ева, убери руки. — Антон пытается отстранить меня, не задевая Таймаза. Он говорит гнусаво, зажимает нос ладонью, и кровь стекает между пальцами. Я знаю эти руки. Он заплетал мне волосы, когда я сломала застежку на заколке, принес мне обед, когда я застряла с отчетами, оставался помочь закрыть кассу. Сегодня купил букет от всех мастеров и сказал, что без меня они переругаются из-за записи. — Не лезь. Я сам.

Таймаз смотрит на его ладонь у моего локтя и крепче сжимает рубашку Антона. Я от испуга кричу имя своего мужчины. На этот раз без сокращения. Хозяйка кладет нож на стойку и делает шаг к нам. Таймаз переводит взгляд на мое лицо. У меня дрожат губы. Я сжимаю их, чтобы он не увидел, насколько мне страшно.

— Я тебя прошу, — повторяю я тише, уже не пытаясь его оттянуть. Хочу, чтобы посмотрел на меня и вспомнил, зачем приехал. Увидел пальто, которое я приготовила к выходу, торт, розовый воздушный шар с надписью про новую жизнь. Я смеялась, когда девочки его принесли. Теперь шар касается моего затылка, и я отмахиваюсь от него. — Пожалуйста. Отпусти.

Он разжимает пальцы. Антон отступает, упирается в кресло и садится, согнувшись. Я бросаюсь к стопке чистых полотенец, хватаю верхнее. Хозяйка берет другое полотенце и первой подходит к Антону. Он берет его и прижимает к носу. Я останавливаюсь рядом с ними с ненужным полотенцем в руках. На нем остается кровь с моих пальцев. Смотрю на эту полосу и не могу вспомнить, когда успела испачкаться.

— Кому-нибудь позвонить? — Хозяйка достает телефон и поднимает глаза на Таймаза. Она держит Антона за плечо, но смотрит на человека, который его ударил. Мне хочется вырвать у нее телефон и самой вызвать врача. Почему она спрашивает разрешения? Это ее салон, ее сотрудник, а она ждет, что скажет мой мужчина. — Может, врача?

— Кирилл отвезет к врачу, — отвечает Таймаз, поворачиваясь к своему другу, который стоит в проходе. Кирилл смотрит на Антона, поднимает с пола опрокинутую корзину с цве-

тами и отставляет к стене. Я не слышала, как он вошел. Таймаз протягивает мне руку. — Ева, поехали.

Я отступаю. Он смотрит на свою ладонь, затем на меня. У него на запястье видна царапина от моих ногтей. Я провожу полотенцем по пальцам, размазываю кровь и швыряю его на стойку. Меня трясет от желания сделать ему больно. Ударить при всех, чтобы ему тоже было стыдно смотреть на этих людей. И следом хочется прижаться к нему, потому что я так испугалась, что не могу перестать дрожать.

— Я из-за тебя увольняюсь! — кричу я. Девочки переглядываются, и мне становится еще хуже. Всем рассказывала, что устала, что хочу заняться домом, что мы с Таймазом так решили. Улыбалась, пока они упаковывали мне подарки, боялась только расплакаться от их доброты. — Ты каждый вечер забираешь меня отсюда! Ты знаешь, с кем я работаю! Он и тебе бороду стрижет! Что ты от меня еще хочешь?!

— Чтобы он к тебе не прикасался. — Таймаз подходит, и я упираюсь ладонью ему в грудь. Остается пятно. Он перехватывает мою руку, разворачивает, осматривая пальцы. Я тяну ее к себе, но он держит, пока не убеждается, что ран нет. — Я тебе говорил об этом. Ты решила, что сегодня можно?

Я смотрю на него и жду, когда он посмотрит на Антона. Хотя бы увидит, что натворил. Таймаз продолжает разглядывать мои пальцы, стирает кровь краем своего пиджака. От этой заботы меня начинает тошнить. Он так осторожно касается моей кожи, что хочется ударить его по лицу. Пусть хоть на секунду почувствует, каково сейчас Антону.

— Пусти, — прошу я и тяну руку к себе. Он разжимает пальцы, но остается так близко, что приходится запрокинуть голову. Я помню, как искала повод прикоснуться к нему, когда он еще приходил по записи. Злилась на себя, задерживалась после смены, если он опаздывал. И зачем оставалась, зачем все время проверяла телефон, боясь пропустить его сообщение? — Я к тебе не поеду.

Таймаз поворачивает голову к Антону, и я опять встаю между ними. За нами хозяйка просит Антона убрать полотенце. Одна из девочек приносит чистое полотенце и останавливается в нескольких шагах, боясь подойти ближе. Мне хочется сказать, что я его сейчас уведу. Что им нечего бояться. Я впервые за все время работы понимаю, как сильно коллеги хотят, чтобы я ушла, и сама не могу их за это осудить.

— Ты сейчас из-за него со мной ссоришься? — спрашивает Таймаз. Я пытаюсь отойти, он преграждает путь. Приходится остановиться, почти уткнувшись в его грудь. Я стою, опустив голову, стараясь сдержать слезы, а он наклоняется, чтобы увидеть мое лицо. — Посмотри на меня, Ева.

— Я тебя испугалась! — вырывается у меня, и слезы, которые я удерживала, текут по щекам. Я зло вытираю их тыльной стороной ладони. Таймаз тянется ко мне, я отталкиваю его руку. — Тебя! Я ждала, когда ты приедешь, а теперь хочу, чтобы ты ушел! И оставил нас в покое!

Он отступает на полшага. Я вытираю лицо, стараясь не смотреть ему в глаза. За спиной Антон поднимается, хозяйка придерживает его, но он убирает ее руку. Кирилл берет его за плечо и ведет мимо нас. Я тянусь к Антону, собираясь спросить, как он, и Таймаз перехватывает мое запястье. Мне хватает этого движения, чтобы опять заплакать. У меня уже не получается подобрать слова, которые он услышит.

— Я с тобой поеду. Только оставь его в покое, — произношу я, глядя на Кирилла. Тот останавливается. Антон держит полотенце у лица, смотрит на меня поверх него и качает головой. Мне стыдно, что он это слышит. Я ведь собиралась уехать с Таймазом еще до того, как все началось. Хотела провести с ним вечер, уснуть рядом, проснуться в его квартире. Теперь приходится обещать ему то же самое, чтобы он оставил Антона в покое.

Таймаз отпускает мое запястье и поднимает с кресла пальто. Я позволяю ему помочь мне одеться. Внутри все сводит, когда он проводит ладонью по моему плечу. Я отворачиваюсь от девочек. Надо выйти, увезти его отсюда, позвонить Антону, когда Таймаз успокоится. Я забираю телефон со стойки и только тогда замечаю, что Кирилл продолжает стоять, не отпуская Антона.

— Его тоже ко мне отвези, — говорит Таймаз, обращаясь к другу. Я оборачиваюсь так резко, что он удерживает меня за локоть. Антон отнимает полотенце от лица. Кирилл молча смотрит на Таймаза, но тот уже ведет меня к выходу. Я упираюсь ногами и хватаю его за руку обеими ладонями. — Ты сказала, что поедешь со мной, Ева. Я тебя услышал.

Глава 1

Ранее

— Скажи Антону, пусть освобождает кресло. — Оксана хватает меня за локоть, едва я успеваю положить телефон. Я смотрю в мужской зал, где наш мастер подстригает седого мужчину. У того на затылке еще торчат длинные пряди, а один висок уже выбрит. Хозяйка тянет меня в сторону, подальше от стойки. — Сейчас приедет Асланов. Его надо принять.

Я жду, что она назовет другого мастера, к которому можно пересадить клиента. У нас сегодня работают только Антон и две девушки. Одна подравнивает мужчине бороду, другая занята окрашиванием. Оксана смотрит на часы. Она больно сдавливает мне локоть. Я пытаюсь высвободиться, но она сжимает сильнее. Я здесь недавно и очень стараюсь не ошибаться. Только сейчас не понимаю, чего она от меня хочет. Не отправлять же человека на улицу с половиной стрижки!

— Куда я его дену? — спрашиваю шепотом, кивнув на клиента. Тот что-то рассказывает Антону, смеется и поднимает руку из-под накидки, показывая на фотографию в телефоне. Я сама его записывала. Он еще просил закончить пораньше, потому что собирается встречать жену. — Пусть Антон закончит. Там уже немного осталось.

— Посадишь у нас в холле, предложишь кофе. Ева, мне сейчас некогда с тобой спорить! — Оксана отпускает мой локоть и поправляет браслет. Кожа под рукавом ноет. Я прижимаю к ней ладонь, а хозяйка уже смотрит через мое плечо и меняется в лице. — Таймаз Тагирович, здравствуйте! Проходите, мы вас ждем.

Я оборачиваюсь. Мужчина останавливается перед стойкой, и мне приходится поднять голову, чтобы увидеть его лицо. Лет сорок, темная борода, в которой едва заметна седина. Он снимает пальто и отдает подошедшей Оксане, даже не взглянув на нее. Хозяйка принимает его обеими руками. Я никогда не видела, чтобы она кому-то прислуживала, и отхожу, освобождая ей место. В зале продолжает гудеть машинка. Мужчина слышит этот звук и поворачивается к Антону, а Оксана толкает меня пальцами в спину.

Я иду к креслу. На полу рассыпаны седые волосы. Клиент держит телефон так, чтобы Антон видел фотографию. На ней женщина с цветами. Он доволен, что успевает привести себя в порядок к ее приезду, а мне сейчас придется объяснить, почему его поднимут с недостриженной головой. Я останавливаюсь, не дойдя до них. Антон ловит мой взгляд в зеркале, приподнимает брови. Я качаю головой и возвращаюсь к стойке. Оксана перестает улыбаться, когда видит меня одну.

— Мастер пока занят, — говорю я мужчине. Стараюсь смотреть ему в лицо, хотя хочется уткнуться в журнал и заняться чем угодно, лишь бы не разговаривать с ним. Он переводит глаза с хозяйки на меня. Я сцепляю руки, чтобы не теребить рукав. — Нужно немного подождать. Вам кофе?

— Мне сказали, что он свободен, — отвечает он, и Оксана делает шаг ко мне. Я слышала ее разговор. Она сама велела ему приезжать, хотя Антон уже начал стричь. Мужчина опирается ладонью о стойку. — Ты меня записывала?

— Нет, — отвечаю я и наконец разжимаю руки. Хозяйка набирает воздух, собираясь меня перебить, и я тороплюсь закончить. — Человек пришел по записи. Подождите, пожалуйста. Я принесу кофе, а Антон скоро освободится.

Оксана касается моей спины, и я понимаю, что сейчас она сама пойдет выгонять клиента. От одного представления об этом горят уши. Хоть бы он ничего не услышал. Работа мне нужна до такой степени, что я согласилась выходить за заболевшую сменщицу и перестала считать, сколько вечеров провожу здесь. С первой зарплаты надо заплатить за комнату. Сказать что-то еще я не решаюсь. Стою перед мужчиной и жду, пока он ответит, а хозяйка обходит стойку.

— Оксана, оставь, — произносит он, и она останавливается. Мужчина снимает пиджак, кладет его на подлокотник дивана и садится. Я успеваю обрадоваться, пока он не указывает на меня. — Кофе она принесет. Займись своими делами.

Оксана проходит мимо, задев меня плечом. В кухне я открываю шкафчик с чашками и никак не могу выбрать нужную. Обе одинаковые, обе чистые, а я стою и злюсь на себя, потому что теперь еще и виноватой себя чувствую. Перед ним! Он взрослый человек, посидит. Антон уже заканчивает, и мне не за что извиняться. Я повторяю это про себя, пока наливаю кофе.

Когда возвращаюсь, он разговаривает по телефону. Замечает меня с подносом и отодвигает журнал, освобождая место на столике. Я ставлю чашку, молоко и сахарницу. Нужно уходить, но он смотрит на меня и поднимает палец, велев подождать. Я удерживаю пустой поднос обеими руками, пока он заканчивает разговор.

— Как тебя зовут? — спрашивает мужчина, убирая телефон. Я зачем-то разглаживаю юбку свободной рукой. Он замечает это, и мне становится неловко. Удерживаю поднос перед собой, хотя давно пора вернуться к работе. — Не слышу.

— Я еще не ответила. Ева, — выговариваю я и только тогда понимаю, как это прозвучало. Ну кто тянул за язык! Он берет чашку, а я жду замечания. Извинения уже вертятся на языке. Мужчина пробует кофе и отставляет его. Я поспешно продолжаю, пока не наговорила лишнего. — Если что-нибудь понадобится, я за стойкой.

За стойкой я принимаю оплату у клиентки и дважды пересчитываю одни и те же купюры. Кладу лишнюю, вынимаю, извиняюсь. За ее плечом я вижу мужчину на диване. Кофе он почти не пьет. Разглядывает меня, пока я работаю, и даже не отводит глаз, когда замечает, что я это вижу.

Наконец Антон заканчивает. Седой клиент благодарит его, расплачивается и уходит. Я смотрю ему вслед и не замечаю, как Таймаз обходит стойку сбоку. Он ставит чашку передо мной. Здесь тесно. Я отступаю, но он остается так близко, что я чувствую его присутствие кожей.

— Ты его зачем защищала? — спрашивает он. Я оборачиваюсь, задеваю его плечом и отступаю к стойке. Он остается на месте. С первой минуты со мной на «ты», а я стараюсь быть вежливой и уже ненавижу то, каким тонким получается голос.

— Я его не защищала. Он пришел стричься, вы тоже, — отвечаю я. На диване лежит забытый пиджак, и я смотрю на него, лишь бы перестать разглядывать самого мужчину. У него очень красивые руки. Мне бы бояться, что Оксана выставит меня за порог, а я замечаю такую глупость. — Если бы вы сидели в кресле, я бы и вас не стала поднимать.

— Меня бы никто не попросил встать, — отвечает он. Я поднимаю голову, собираясь возразить, но он уже идет к Антону. Тот стряхивает с накидки волосы и приглашает его сесть. Таймаз занимает кресло, вытягивает ноги. В зеркале я вижу, как он снова смотрит в мою сторону. Приходится отвернуться первой.

Я уношу чашку в кухню. Мне двадцать пять. Мужчины обращали на меня внимание и раньше, я всегда знала, как ответить. Сейчас не могу даже попросить, чтобы он так на меня не смотрел. Слишком хорошо помню, как хозяйка несла его пальто. И все-таки, возвращаясь в холл, я поправляю волосы в зеркале. Ловлю себя на этом и злюсь так, что хочется уйти обратно.

— Еще раз поставишь меня в такое положение, будешь искать другую работу, — произносит Оксана, едва я возвращаюсь за стойку. Она подвигает ко мне журнал записи и наклоняется, будто показывает что-то в нем. Из зала нас не услышат. — В моем салоне ты делаешь то, что я говорю. Возражать будешь у себя дома.

Я киваю. Хочется снять с крючка куртку и уйти так, чтобы она сама села за эту стойку. Но хозяйка квартиры и без того ждет обещанных денег. Я провожу ладонью под глазами, хотя плакать еще не начала, и от этого движения становится стыдно. Антон в зеркале смотрит на меня, перестав улыбаться. Я опускаю голову и придвигаю журнал ближе, делая вид, что читаю.

К стойке Таймаз возвращается уже в пиджаке. Оксана приносит его пальто, он надевает его и достает деньги. Я называю стоимость, отсчитываю сдачу. Когда кладу купюры перед ним, он накрывает мою руку своей. У него теплые пальцы. Можно отстраниться, но я задерживаюсь, и он успевает погладить мою руку большим пальцем. Я выдергиваю ее, оставив деньги на стойке.

— Ева, оставь сдачу, — говорит он. Я двигаю деньги ближе к нему. Смотрю на купюры, потому что на него сейчас смотреть нельзя. Еще решит, что я заигрываю, а я уже не уверена, что не делаю этого. — Я тебе сказал.

— Спасибо. Антону передам, — отвечаю я. Деньги лежат между нами, он их не забирает. Я понимаю, что мужчина собирался оставить их мне, и поднимаю глаза. — Стриг вас он.

Таймаз разглядывает мое лицо. Я пытаюсь улыбнуться, но он уже поворачивается к Оксане и зовет ее по имени. Они отходят к окну. Хозяйка кивает, достает телефон, что-то в нем находит. Я опускаюсь на стул, чувствуя, как подгибаются колени. Неужели нельзя было взять эти несчастные деньги и поблагодарить?

— До встречи, Ева, — произносит он, проходя мимо стойки. На этот раз я успеваю ответить, не запнувшись. Провожаю его до выхода, потому что Оксана велит это жестом, и с улицы в салон тянет холодом. Таймаз останавливается, повернувшись ко мне. Смотрит на тонкую блузку и хмурится. — Иди внутрь. Замерзнешь.

Я возвращаюсь к кассе. Он говорит это грубо, почти сердится, а мне почему-то хочется улыбнуться. До чего же я дожила, если радуюсь даже такой заботе! Сажусь и замечаю, что Оксана снимает с доски график смен. Зачеркивает мою фамилию, вписывает в другие клетки. Я поднимаюсь, пытаясь рассмотреть, что она меняет.

— Теперь будешь выходить в его дни, — говорит хозяйка. Она прикрепляет лист обратно и отступает, чтобы я могла прочитать. Мой свободный вечер теперь занят. Мы с напарницей уже договорились, что выйдет она. — Таймаз хочет, чтобы его встречала ты. Я ему пообещала.

Я смотрю на зачеркнутую фамилию. Мы только что познакомились. Я принесла ему кофе, попросила подождать и вернула сдачу. Что я такого сделала, чтобы он пошел договариваться обо мне с хозяйкой? Хватаю лист за нижний край, но Оксана накрывает его ладонью, не позволяя снять. Я отпускаю бумагу, потому что иначе порву ее при всех.

— А меня ты спросила? — вырывается у меня. Антон выглядывает из зала, и я уже не стараюсь говорить тише. Оксана поджимает губы. Мне хватает этого движения, чтобы вспомнить ее недавнюю угрозу, но остановиться не получается. — Я не его личный администратор! Почему он решает, когда мне работать?

— Вот у него и спросишь, — отвечает она. В кармане у меня вибрирует телефон, и Оксана кивает на него. Я достаю, вижу незнакомый номер. Хозяйка убирает руку с графика и возвращается к стойке. — Я дала ему твой номер. Он попросил.

— Ева, посмотри в окно, — произносит Таймаз, едва я принимаю вызов. Я собиралась потребовать, чтобы он оставил меня в покое, но поворачиваюсь к витрине. Его машина еще стоит у салона. Он опускает стекло и смотрит на меня, прижимая телефон к уху. Я делаю шаг к окну, подальше от Оксаны, которая следит за мной.

— Оксана дала вам мой номер для записи, — говорю я, хотя хозяйка ничего такого не объясняла. Вижу, как Таймаз качает головой. У меня пересыхает во рту, а он спокойно разглядывает меня через стекло витрины. — По работе звоните в салон. Это мой личный телефон.

— Я знаю, Ева, — отвечает он. Я отворачиваюсь от окна, но отойти почему-то не могу. Прижимаю телефон крепче, дожидаясь продолжения. — И звонил я тебе. Когда закончишь, выходи. Я подожду.

Глава 2

— Не ждите. Я с вами никуда не поеду, — говорю я. Таймаз все еще смотрит на меня из машины. Я вижу, как он убирает свободную руку с руля, и почему-то жду, что сейчас выйдет. Отхожу от окна, чтобы он хотя бы перестал меня разглядывать. — И график мой больше не меняйте. Я сама решаю, когда мне работать.

Он молчит, а я торопливо отключаюсь. Кладу телефон в карман, промахиваюсь, ловлю его у самого пола. Оксана следит за мной, стоя за кассой. Я прохожу мимо и пью воду в кухне, пока не перестает трястись рука. Антон находит меня здесь. Закрывает кран, который я оставила открытым, и прислоняется к краю стола.

— Ты хоть знаешь, с кем сейчас разговаривала? — спрашивает он. Я пожимаю плечами. Антон забирает у меня стакан и ставит на стол. Дожидается, пока хозяйка отойдет от кухни. — Асланов вор в законе. Ева, с ним лучше вообще не связываться. Может плохо закончиться. А еще говорят, что они семьи не заводят. Сама понимаешь почему.

— Почему? — переспрашиваю я. Уже жалею, что заговорила с ним о Таймазе, но уйти, не дослушав, тоже не могу.

— Ты как с луны свалилась. — Антон понижает голос, хотя хозяйка нас уже не слышит. — Для коронованных это табу. Семья для них слабость. Вор в законе не должен иметь слабостей.

Я жду, что Антон улыбнется. Скажет, что напугал меня, и можно будет разозлиться на него и отходить тряпкой по лицу. Однако он смотрит серьезно. Я вытираю руки о юбку, хотя рядом висит полотенце. Таймаз пил у нас кофе, а когда уходил, от него пахло лосьоном после бритья. Я даже успела представить, как прикоснулась бы к его щеке с идеальной бородой. Теперь стыдно смотреть на Антона, будто он узнал и об этом.

— Он мне не нужен, — отвечаю я. Звучит зло, и Антон отодвигается, позволяя пройти. Мне жаль, что сорвалась на него. Он хотел предупредить, а я веду себя так, словно меня поймали на чем-то неприличном. Я касаюсь его руки. — Спасибо. Я поняла.

До конца смены я стараюсь не смотреть на улицу и все равно замечаю его машину. Он действительно ждет. Мне то страшно, то хочется проверить себя в зеркале. Подкрашиваю губы, порывисто стираю салфеткой помаду. Когда коллеги начинают собираться, я надеваю куртку и выхожу, не прощаясь с Оксаной. Если она еще хоть слово скажет об Асланове, я могу наговорить ей такого, за что она меня уволит даже без его просьбы.

Таймаз выходит из машины, когда я спускаюсь с крыльца. Останавливается у капота. Я хочу обойти его, но придется протиснуться между ним и ограждением, а на дорогу спускаться не хочу. Я останавливаюсь. Он стоит слишком близко, и я машинально застегиваю куртку.

— Я же сказала, что не поеду, — напоминаю я. Он протягивает руку к моей куртке, я отступаю. Таймаз опускает ладонь, но с дороги не уходит. Он смотрит на мои губы, и я перестаю их кусать. — Мне надо домой.

— Поужинаем, я тебя отвезу, — отвечает он. Я смотрю на салон за своей спиной. Оксана еще внутри, конечно, она видит нас, но мне от этого не легче. Таймаз делает шаг ко мне. — Боишься больших незнакомых дядек? Ева… — он произносит мое имя как-то не так… по-иному. И мне нравится, как ни странно.

Я ведь весь вечер искала его глазами. Большой незнакомый дядька… И сейчас, когда можно уйти, все еще стою. Таймаз замечает мою заминку. Берет меня за руку, поворачивая к машине, и я резко вырываюсь.

— Со мной надо договариваться! — говорю громче, чем собиралась. Он останавливается. Я чувствую, как мерзнут уши, но натянуть капюшон при нем почему-то стесняюсь. — Вы пожелали, Оксана пообещала. Меня кто-нибудь собирался спросить?

— Я тебя сейчас спрашиваю, — произносит он и убирает руки в карманы. Можно отойти, но я стою почти вплотную к машине. Таймаз наклоняется, пытаясь поймать мой взгляд. — Пойдешь со мной ужинать?

Я смотрю через улицу, где светятся окна маленького кафе. Там сидят люди. Можно поговорить и уйти, если он опять начнет давить. Мне нужен этот жалкий повод, чтобы согласиться, не признаваясь себе, что я хочу побыть с ним. Я киваю в сторону кафе, пряча руки в карманы.

— Там. В машину я не сяду, — говорю я. Таймаз смотрит на вывеску. Место обычное, здесь я покупаю выпечку, когда забываю принести обед. Он кивает и протягивает мне руку. Я делаю вид, что не заметила, и иду к переходу. За спиной слышу его голос, но слов уже не разбираю.

Я оглядываюсь. Из машины, припаркованной за его автомобилем, вышел мужчина в кожаной куртке. Он кивает Таймазу и остается у салона. На переходе приходится ждать. Я прячу подбородок в куртку, а Таймаз поднимает мне капюшон. Собираюсь возмутиться, но вижу его лицо так близко, что забываю приготовленные слова. Позволяю ему закрыть мне уши, а когда загорается зеленый, торопливо шагаю вперед.

В кафе я выбираю столик в глубине зала и сажусь спиной к стене. Снимаю куртку, кладу ее рядом. Таймаз садится напротив, а я смотрю мимо него на женщину, которая кормит мальчика с ложки. Официантка подходит, прежде чем мы успеваем заговорить. Я заказываю пельмени и чай. Таймаз выбирает то же самое и возвращает ей меню.

— Ты узнала, кто я? — спрашивает он. Я киваю, глядя на его татуированные руки и большой, явно недешевый перстень. Сказать вслух страшнее, чем было слушать Антона. Таймаз касается моего пальца, и я убираю руку со стола. — И чего ты боишься?

— Что вы привыкли получать все, чего вам хочется, — отвечаю я. Он убирает руку, достает телефон. Я собираюсь попросить, чтобы хотя бы выслушал, но он уже набирает номер. Смотрит на меня, пока идет вызов. Мне приходится договорить быстрее, чем кто-то ответит. — А я собираюсь работать в свои смены. С хозяйкой я договаривалась о них, когда устраивалась.

— Оксана, оставь ей прежние смены, — произносит он. Я замолкаю, не поверив, что он звонит именно ей. Таймаз слушает хозяйку, крутит на столе вилку. Я жду, когда он положит телефон. — И без претензий к ней. Я изменил решение. Ева здесь ни при чем.

Мне хочется сказать спасибо, но я не могу заставить себя выговорить это слово. Ведь мне вернули то, что у меня и так было. Он кладет телефон на стол. Официантка приносит чай, я обхватываю чашку и торопливо убираю руки. Горячая. Таймаз пододвигает ко мне сахар, я качаю головой.

— А если Оксана все-таки меня уволит? — спрашиваю я. Мне кажется, что сейчас он предложит денег. Я заранее знаю, как откажусь, и боюсь, что откажусь недостаточно твердо. Он подается вперед, положив локти на стол. — Мне эта работа нужна.

— Ты из-за меня ее не потеряешь, — отвечает он. Официантка ставит перед нами тарелки, и мне приходится убрать чашку. Таймаз придвигает ко мне сметану. Я благодарю девушку, но взяться за вилку не успеваю. — Мужчина у тебя есть?

— Нет. А у вас жена или девушка? — спрашиваю я, удивляясь собственной смелости. Таймаз смотрит на меня, и мне приходится опустить глаза, чтобы не выдать улыбку. Я ведь хотела узнать это с той минуты, как села за стол. Обручального кольца у него нет, но это еще ничего не значит.

— Нет у меня жены, Ева, — отвечает он. Я смотрю, как он пробует пельмени, и тоже начинаю есть. Только теперь понимаю, насколько проголодалась. Ему пельмени вряд ли понравятся, не привык он к такой пище. А я, сама не заметив, перестаю прятать от него улыбку. Таймаз задерживает на мне взгляд. — Вот так лучше.

Я тянусь за чаем, и рукав блузки задирается. Таймаз замечает красные следы у моего локтя. Перехватывает руку, поворачивает к свету, и мне становится больно. Я пытаюсь высво-

бодиться, но он удерживает меня. Веселье пропадает. Я смотрю на следы от пальцев Оксаны и жду, когда он меня отпустит.

— Кто это сделал? — спрашивает он. Я тяну рукав обратно, а он мешает мне спрятать руку. Я собиралась жаловаться на хозяйку, услышать, что я права. Теперь почти радуюсь, что промолчала. Он смотрит на меня, ожидая ответа. Я указываю на его пальцы, сжавшие мое запястье, и только тогда он ослабляет хватку.

— Кожа у меня такая. Чуть коснешься, и синяк. Оксана меня удержала, когда вы приехали. Ничего страшного, — говорю я и прячу руку под стол. Таймаз берет телефон, я хватаю его за запястье. Несколько посетителей оборачиваются на скрип моего стула. Я поднимаюсь, не отпуская его. — Не звоните ей! Я вас не просила!

Он смотрит на мою руку, и я отпускаю его. Таймаз кладет телефон обратно. Я не могу понять, сделала ли хуже. Мне страшно за женщину, которая угрожала меня выгнать, а вот что в голове у него… Тут уж я не знаю. Он отодвигает стул и поднимается следом. Берет мою куртку и держит ее, пока я не решаюсь протянуть руку.

— Я не буду ей звонить, — говорит он. Я забираю куртку и надеваю ее. Он достает деньги, оставляет на столе, кивает официантке. Я отхожу, освобождая ему проход между столиками. — Пойдем. Ты устала.

Его машина стоит через дорогу, а мне надо в другую сторону. Я собираюсь сказать, что доберусь сама, но он замечает того мужчину в кожаной куртке и зовет его по имени. Тот, кого он назвал Кириллом, уже перешел дорогу и идет к нам. Вдруг смотрит мне за спину и срывается с места.

— Таймаз, вниз! — кричит он. Я успеваю повернуться на звук мотора. Темная машина катится вдоль тротуара, из опущенного окна высовывается рука. Таймаз хватает меня за плечи и толкает на землю. Колено ударяется о плитку, я вскрикиваю. Почти над самой головой с грохотом разлетается стекло витрины.

Я пытаюсь подняться, но Таймаз прижимает меня к земле. На тротуар сыплются осколки, из кафе доносятся крики, а он тащит меня к припаркованной машине, укрывая за ней. Я ползу рядом, цепляясь правой рукой за его пальто. Еще один хлопок заставляет меня вжаться лицом в его грудь. Он обхватывает мои плечи, удерживая на месте, а я хватаюсь за его руку и чувствую на пальцах что-то мокрое.

— Ты ранен? — спрашиваю я, забыв про свое недавнее «вы». Он пытается убрать мою руку, а я держу крепче. На его ладони кровь, и я не понимаю, откуда она. Поднимаю голову, ищу глазами его лицо. — Таймаз! Это у тебя кровь?!

— Кирилл, машину сюда! — кричит Таймаз и стягивает с меня куртку с такой силой, что трещит шов. Я пытаюсь возмутиться, но голос пропадает, когда он прижимает ее к моему плечу. Придавливает обеими руками. Только теперь я чувствую боль и вскрикиваю. Я пытаюсь поднять левую руку, но она не слушается. На светлой ткани моей блузки расползается кровь.

Глава 3

— Убери! Больно же! — Я хватаю Таймаза за запястье и пытаюсь оторвать его ладонь от своего плеча. Он сжимает сильнее, и я кричу ему в лицо. Мне страшно посмотреть вниз. Страшно увидеть, что там под курткой, которую он комкает у меня на груди. — Пожалуйста, убери руку!

— Нельзя, Ева. Кровь идет, — говорит он, отводя мою ладонь. Я слышу его, но все равно пытаюсь вырваться. От каждого движения больнее, и я уже не понимаю, как сесть, куда деть руку, чтобы хотя бы перестало жечь. Таймаз возвышается надо мной, заслоняя улицу. — Правой рукой прижми. Вот здесь. Мне надо тебя поднять.

Кирилл подгоняет машину, и Таймаз велит ему помочь. Я накрываю куртку ладонью. Пальцы скользят по мокрой ткани, меня начинает тошнить, но я прижимаю, как он сказал. Таймаз подхватывает меня под спину и колени. Когда он встает, я вскрикиваю и утыкаюсь ему в шею. Больше я ничего не вижу, только слышу крики у кафе и голос этого Кирилла совсем рядом.

Меня укладывают на заднее сиденье. Я хватаю рубашку Таймаза, тяну за собой, потому что он остается снаружи, а я почему-то уверена, что сейчас уйдет. Бросит меня здесь с этой кровью. Он пытается разжать мои пальцы, чтобы сесть, но я держу крепче и слышу, как трещит ткань. Пусть порвется, только бы не уходил.

— Не бросай меня! — вырывается у меня, когда он опять тянет мою руку. Таймаз прекращает возиться, протискивается на сиденье и усаживает меня так, чтобы я могла опереться на него. Я цепляюсь за его рубашку. — Ты меня не оставишь? Скажи!

— Не оставлю. Кирилл, в больницу! — Он прижимает куртку к ране, а я всхлипываю и упираюсь лбом в его плечо. Машина трогается. Таймаз поддерживает меня, когда нас качает на повороте. Я слышу, как Кирилл кому-то звонит, но разобрать слова не могу. — Ева, сиди тихо. Доедем сейчас.

Я хочу домой. В свою комнату, где на сушилке висит постиранная футболка, а на кровати остались джинсы. Хозяйка будет ругаться, если зайдет и увидит беспорядок. Я думаю об этой ерунде, пока Таймаз удерживает меня, не давая отодвинуть его руку от плеча. Мне кажется, стоит ему отпустить, станет легче. Но я уже видела кровь, поэтому только прошу прижимать не так сильно.

— В кого они стреляли? — спрашиваю я. Таймаз смотрит в сторону Кирилла, и мне хочется схватить его за лицо, повернуть к себе. Он ведь слышит! Я толкаю его ладонью в грудь, но он удерживает меня, не давая отодвинуться. — В тебя? Они в тебя стреляли?!

— В меня, — отвечает он. Я перестаю его толкать. Смотрю на свою руку, лежащую поперек живота, на испачканную блузку, которую утром гладила на кухонном столе. В салоне мне говорили, что белое мне идет. Таймаз поднимает куртку выше, закрывая пятно. — На меня смотри, Ева. Не туда.

В приемном покое меня перекладывают на каталку. Таймаз пытается помочь, я вскрикиваю, и женщина в форме оттесняет его, заняв место рядом со мной. Куртку убирают, кто-то разрезает рукав блузки. Я стараюсь прикрыться правой рукой, но ее тоже отводят. Надо мной наклоняется врач. Спрашивает имя, просит пошевелить пальцами. Я шевелю и начинаю плакать еще сильнее, хотя он говорит, что это хорошо.

Меня увозят, а я все пытаюсь повернуть голову и проверить, остался ли он. Только за углом перестаю это делать. Дальше я отвечаю на вопросы, помогаю себя раздеть, терплю, когда укладывают для снимка. Кричу, если трогают больное плечо, и не могу заставить себя извиниться. Меня просят потерпеть, а я уже не могу!

Когда меня привозят в палату, на левом плече повязка, а вместо блузки больничная рубашка. Медсестра укрывает меня одеялом. Меня все еще трясет, во рту сухо. Я прошу воды и выпиваю почти весь стакан, прежде чем удается остановиться. Ставлю его на столик, стараясь не расплескать остатки.

— Кость цела. Пуля прошла по касательной, — объясняет врач, стоя у моей кровати. Я смотрю на его лицо, пытаясь понять, насколько все плохо, хотя он уже сказал. Он поправляет повязку и опускает мне руку на подушку. — Рану обработали, швы наложили. Ночь побудете у нас. Нужно понаблюдать.

Врач задерживается у соседней кровати, где лежит пожилая женщина, а медсестра приносит пакет с моими вещами. Я прошу достать телефон из кармана куртки. На нем несколько пропущенных от Антона. Пока набираю ему, пытаюсь придумать, что сказать. Что я лежу в больнице? Что очень хочу, чтобы рядом посидел кто-нибудь знакомый?

— Ева, ну наконец-то! Ты где? — Антон говорит так громко, что я отодвигаю телефон от уха. В палате тихо, женщина на соседней кровати поворачивается ко мне. Я пытаюсь убавить звук, но палец не попадает куда надо. — Мы тебе звоним, звоним! Оксана говорит, у кафе стрельба была. Ты с ним уехала?

— Я в больнице, — произношу я, и голос срывается. Зажимаю рот ладонью, оставив телефон на коленях. Антон зовет меня по имени, а я только качаю головой, хотя он этого не видит. Снова подношу телефон к уху. Мне нужно ответить, пока он не положил трубку. — В меня попали. Антон, приезжай, пожалуйста!

Он просит назвать больницу. Я спрашиваю медсестру и повторяю ему название. Она помогает мне сесть выше, подкладывает подушку. Антон говорит, что приедет, что уже собирается. Я соглашаюсь, вытираю лицо краем одеяла и прошу его не отключаться. Мне хочется еще послушать его голос.

Таймаз появляется, когда медсестра отходит от моей кровати. Пальто перекинуто через руку, на рубашке темнеют пятна. Я умолкаю, не убирая телефон, а он смотрит на повязку. Подходит, кладет пальто на стул и останавливается так близко, что мне приходится поднять голову. Антон все еще что-то говорит. Я собираюсь повторить номер палаты, но Таймаз забирает телефон из моей руки.

— Она со мной. Приезжать не надо, — произносит он. Я хватаю его за рукав, тянусь за телефоном, и плечо пронзает боль. Приходится откинуться на подушку. Таймаз смотрит на меня, слушая Антона. — Я сказал, не надо. Когда сможет, позвонит сама.

— Отдайте! — Я протягиваю правую руку, а он заканчивает разговор и кладет телефон себе в карман. Мне хочется встать, вырвать его, но я боюсь опять пошевелиться. От этой беспомощности я злюсь еще сильнее. Я ударяю ладонью по одеялу, и женщина на соседней кровати приподнимается на локте. — Я его позвала! Я хотела, чтобы он приехал!

— Я здесь, — отвечает Таймаз. Он придвигает стул к кровати и садится. Никогда еще не хотелось ударить человека с такой силой. У него моя кровь на рубашке, а он даже не замечает. — Чего тебе не хватает? Скажи мне. Все принесут.

Я хватаю стакан со столика и выплескиваю воду ему в лицо. Не успеваю подумать, не успеваю испугаться. Вода течет по его бороде, капает на рубашку. Немного попадает на мое одеяло. Я сжимаю пустой стакан, пока пластик не начинает хрустеть, и жду, что Таймаз сейчас схватит меня за руку. Он не двигается. Смотрит на меня, и я бросаю стакан ему под ноги, потому что уже не могу держать.

— Мне руки моей не хватает! — кричу я. На крик возвращается медсестра, но я уже не могу остановиться. Показываю на повязку, задеваю ее и опять плачу от боли. — Я домой хотела! Я вам еще в салоне сказала, что никуда не поеду! Зачем вы меня ждали?!

— Помощь нужна? — Медсестра подходит к кровати и смотрит на Таймаза. Он встает, освобождая ей место. Она проверяет повязку, а я зажмуриваюсь, стыдясь, что успела устроить

скандал на всю больницу. Мне хочется, чтобы медсестра его выгнала. И страшно, что он действительно уйдет. — Позвать врача?

Я качаю головой. Говорю, что не надо, что уже отпускает, хотя плечо все еще ноет. Таймаз поднимает стакан и выбрасывает в ведро. Медсестра задерживается, но я молчу, и она уходит к другим пациентам. Я смотрю на мокрый край одеяла, злясь на себя за то, что опять позволила ему остаться.

— Отдайте телефон, — прошу я. Таймаз достает его, кладет на одеяло. Я забираю, прижимаю к животу и не знаю, что делать дальше. Позвонить Антону и сказать, чтобы все-таки приехал? Вызвать сюда еще одного человека… ему на съедение? — И уходите. Я больше не хочу вас видеть.

Он садится обратно. Я жду хотя бы одного слова о том, что случилось. Извинения, обещания оставить меня в покое. Таймаз достает свой телефон и кому-то пишет. Я помню, как рассматривала его руки за столом, как радовалась, когда он сказал, что у него нет жены. Теперь хочется спрятаться под одеяло, чтобы он не видел моего лица.

— Когда выпишут, поживешь у меня, — произносит он. Я отнимаю телефон от живота и смотрю на него, решив, что ослышалась. Таймаз убирает свой мобильный, наклоняется ко мне. Я отодвигаюсь к краю кровати. — Пока не разберусь, кто стрелял, одна ты никуда не поедешь.

— Вы издеваетесь? — спрашиваю я. Он протягивает руку к моей щеке, я отталкиваю ее. За соседней кроватью шуршит занавеска, женщина отворачивается от нас, и мне становится совсем тошно. Я говорю тише, но он прекрасно слышит. — В вас стреляли. В вас! Мне от вас подальше держаться надо!

— Они уже увидели тебя со мной, — отвечает он. Я собираюсь возразить, но Таймаз поднимается, забирает пальто со стула. Мне приходится следить за ним, задрав голову. Он останавливается у кровати, ожидая, пока я перестану теребить одеяло. — Ева, спорить будем, когда тебе станет лучше. Отдыхай. Скоро подействует обезболивающее.

Он отходит, а я смотрю ему вслед, ненавидя себя за то, что опять проверяю, далеко ли ушел. Таймаз останавливается в коридоре, зовет Кирилла. Я закрываю глаза, надеясь, что они уйдут вместе. Телефон сжимаю в здоровой руке. Надо перезвонить Антону, пока он не приехал.

— У меня комнату подготовь, — говорит Таймаз. Я открываю глаза. Он стоит в проходе, видит, что я слушаю, и продолжает говорить, не отводя от меня взгляда. — Вещи заберем, когда ее выпишут. Сам с ней съезжу.

Я опять начинаю плакать. Прикрываю лицо одеялом, чтобы никто не видел, и никак не могу набрать номер. Все время промахиваюсь по имени Антона. Наконец получается, я прижимаю телефон к уху и слышу первый гудок. Таймаз возвращается к кровати. Я отворачиваюсь к стене, едва услышав голос Антона.

— Антон, не приезжай, — шепчу я. Таймаз стоит за моей спиной, я вижу его тень на одеяле. Антон начинает возражать, но я перебиваю, потому что еще немного, и я опять попрошу его забрать меня. — Не надо. Пожалуйста. Я не хочу, чтобы и с тобой что-нибудь случилось.

Глава 4

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.